

ЖРЕЦЫ И МУДРЕЦЫ

/Конференция "Молодая культура", Ленинград, октябрь 1988/

Как общаться носителям молодой культуры и ее знатокам? Вопрос отнюдь не протокольный. На фестивале в Нарве после кадрового искусствоведа с его утонченными силлогизмами и сциентизмами на кафедру взшел митек-теоретик Конь: А чё говорить-то? Наливай, да пей! - Характерный случай, даже если это анекдот.

Здесь, на конференции О.Хрусталева говорила, что молодая культура - по сути, последний пароксизм старой, а в скором будущем надо ожидать действительно новую, органическую, не рефлексирующую цивилизацию, своего рода новое христианство. Это суждение считаю в основе правильным, хотя и сильно упрощенным. Поэтому, вопросы, которые теперь должны бы занимать знатоков, звучат так: наступает ли утрата рефлексивности и если да, то надо ли об этом жалеть?

Впрочем, обсуждение лишь вскользь задело эту тему, хотя роскошный Зеленый зал Театрального института с мягкими креслами и видом на возрожденный "Англетер" очень располагал к раздумьям. Показательно, что люди, практически делающие современную культуру, в большинстве сюда не пришли, а также и то, что музыкальные жанры (видимо, самые нерефлексивные сегодня) пользовались здесь наименьшим вниманием.

Чтобы разобраться, в чем дело, расскажу, как все было устроено. Процедура воспроизводила привычные всем казенные научные сессии с установочными речами, формальными, сколь возможно краткими дискуссиями, отделенной от них культурной программой и четким организационным разделением обсуждаемого предмета на жанры. К счастью, некоторая общая неумелость и неорганизованность при ис-

креннем старании сделать все "как надо" внесли в действо элементы пародии.

Кстати, вторичной пародией оказался выход самых молодых (истинных, по их словам, авангардистов), который случился в последний день. Пятеро парней, сменяя друг друга стали читать по шпаргалкам похвалу своей группе, начав с описания ее многочисленности, структурных подразделений, собственных руководящих должностей и т.д. — А ведь не так уж это нам и незнакомо! — и я перестал слушать, лишив себя, быть может, каких-нибудь глубоких мыслей.

Но и основной корпус докладчиков более или менее держался заданного "серьезного" стандарта. Пожалуй, только Б.Останин и Т.Новиков отнеслись к ситуации с юмором. Остальные доклады были вполне регулярны. Правда, одни считывали их с бумаги, а другие, более искусные, обходились так.

Что касается "плетения словес", то самыми удачными ораторами оказались театральные люди: Б.Юхананов, М.Трофименков, А.Соколянский и сотрудник журнала "Театр" (к сожалению, не запомнил фамилию). Видимо, сказалась подготовка, полученная в недрах старого театра. Особенно хорош был Юхананов — очень красивый, страстный, великолепно одетый и снабженный фирменной видеокамерой.

Объяснение всего прошедшего — в неоднородности параллельной культуры. В ней и при ней находятся разные люди — и далекие от традиционной (официальной) практики, и сравнительно к ней близкие. Лицо конференции определили последние. Этот промежуточный слой весьма полезен как посредник, но при том недостаточно уверен в себе и поэтому особенно чувствителен к художественной и социальной конъюнктуре, и, "оставаясь в прошлом одной ногою", нередко допускает шараханья из стороны в сторону.

Апофиз добрых старинных инстинктов обозначила шутка С.Добро-творского, который запретил публике задавать докладчикам устные вопросы. Зрители не возроптали! И были вознаграждены: для полной свободы и крайнего (не путать с "истинным") авангардизма тоже нашлся уголок, а именно, на телестудии, в виду работающих телекамер. Съемки начались вполне благовоспитанно, но затем по предложению Б.Юхананова все принялись кукарекать, ходить на руках и делать многое другое, чего не делают в обыденной обстановке.

В общем, не удивительно, что собравшихся в Зеленем зале волновал не столько вселенский культурный разлом, сколько разме-

жевание в нашей жизни в искусстве, с прежними установками которой они так или иначе сводили счеты. Большинство, таким образом, находилось не в конце рефлексий, а скорее в их начале. Значит, упомянутые выше слова О.Хрусталевой немного опережали события, хотя движение художественной практики приглушенно слышалось и в Театральном институте.

В первую очередь, это проявилось, конечно, в культурной программе. Экспансия искусства в не-искусство, обратной стороной которой оказывается эрозия искусства, видна (в разной степени) в фильмах Е.Кондратьева, Алейниковых, О.Котельникова и в стихах В.Друка, с большим успехом произнесенных им при помощи А.Драгомощенко.

Интерес к таким вещам есть и в некоторых докладах: Б.Юханова — о своей работе, О.Хрусталевой — на митьковские темы. Правда, устаревшая жанровая дискретность заставила Хрусталеву представлять популярных митьков в основном как персонажей прозы В.Шинкарева. Т.Щербина говорила о новом искусстве как о всеобщем театре. К сожалению, не видел спектакль "Песни западных славян" с ее участием, но выступление Щербины на поэтическом вечере меня отчасти утешило: это был театр и даже более того.

Большинству остальных докладчиков довели нормативно понимаемые дни сегодняшний и вчерашний, экстраполируемые, если надо, и в будущее. Доклад и стихи Д.Волчека — образцы тонкого высококультурного левого академизма. Не ждет ли канонический авангард тихое угасание в замкнутых зонах на культурной окраине; что-нибудь похожее на судьбу античных художественных норм в Византии?

Академизирующий подход к культуре нередко связан с использованием позитивистских методов для ее анализа. В разной мере они близки многим выступающим — от А.Драгомощенко, с его рафинированной интеллектуальной техникой, до А.Левкина, довольно простодушно описывающего литературу двухпараметрическим уравнением. Даже осторожный и скептический В.Руднев в докладе, основанном на идеях Л.Витгенштейна, все же проводит некую единую концепцию литературы.

Мне кажется, что формальный анализ охватывает лишь некий аспект реальности, будь то житейская или литературная. Он ни при каких обстоятельствах не дает ее исчерпывающего описания и поэтому, в частности, не позволяет предсказать ее перспективу. Бу-

дущее вообще возможно предсказать лишь в весьма ограниченном смысле. Гораздо вернее будет его сделать. Лучшие футурологи — Христос и Магомет, а в русской литературной реальности — Пушкин.

Что же касается прошлого, то может показаться, будто собравшиеся в Зеленом зале как раз подходят для осмысления старой советской цивилизации. Оказывается, не очень. И не потому, что подобный сюжет не включался в повестку конференции, но из-за чрезмерной близости большинства их к мифологической старине. Поэтому было довольно много явной или скрытой полемики с традицией, понимания же — куда меньше. Некоторые подходы к такому пониманию заметны у М. Трофименкова. Наверно он придет к интересным результатам, если займется этим делом.

Т. Новиков, напротив, представил уже итоги своих раздумий о том же предмете. Речь художника была, конечно, произведением искусства, но имела и концептуальный аспект. Вкратце его можно изобразить так: к тридцатым годам русские художники переварили авангардизм, повернулись лицом к народу и приготовились сказать ему главные слова, но тут не-художники заткнули им рот; сегодня, стоя на пороге нового Ренессанса, живописцы опять поворачиваются к народу и на этот раз, надо думать, успеют ему кое-что сказать.

Принимая тон Новикова, можно ему ответить, что он недооценивает эстетические успехи сталинизма. Художникам тогда и не надо было ничего говорить: за них все сказали не-художники. Мифологическое сталинское царство само может рассматриваться как грандиозный художественный акт, внутри же него для традиционного рефлексизирующего искусства места не было, как его не было в любом другом архаичном обществе. Теперь, когда, возможно, возникает новая, уже всемирная архаика, готовность художника сказать о ней главное слово следует понимать как справедливое желание встать во главе движения или хотя бы сохранить свою жизнь.

Кроме проблемных выступлений, было много информационных — более и менее интересных. В этом смысле самым содержательным оказался последний день, когда выступили издатели журналов (РЮ, МЖ, Третья модернизация, Вестник ЭК и др.), и дискуссия велась в более свободной форме, чем прежде.

Думаю, что прошедшую конференцию можно, словами П. Н. Милюкова, оценить как "вступление еще неверными, нетвердыми шагами" на тот путь, "значительную часть которого давно прошли" те, кто впереди нас.